

Я решила её порадовать, улыбнулась и бросила кости, затем передвинула фишку. Выведя одну шашку, подняла голову и скорчила матушке рожицу. Ваньэр же, зажав кости в руке, медлила с броском. Матушка, смеясь, тронула меня за голову, затем протянула руку и взяла ладонь Ваньэр. Та нахмурилась, замерла на мгновение и только потом разжала пальцы, передавая кости матушке с каким-то ошеломлённым взглядом. Матушка приподняла бровь: «Что, жалко?»

Та поспешила было подняться, но матушка придержала её за плечо, усадив на место. Потрясла кости в горсти и неспешно бросила — выпало две шестёрки. Затем протянула палец, медленно передвинула шашку Ваньэр, вывела её из лунки и переместила во внутреннее поле, с улыбкой пояснив Ваньэр: «Вот так нужно ходить».

Я сказала: «Это матушке просто сегодня везёт, кости удачно ложатся».

Матушка лишь усмехнулась и, откинувшись на подушки, лениво протянула: «Бросай ещё».

Я, зажав кости в обеих ладонях, осторожно встряхнула и бросила — выпали четвёрка и пятёрка. Сначала хотела вывести шашку, но потом передумала: спешить не к чему. Вместо этого построила мост, отрезав шашку Ваньэр. Подняв голову, увидела, что матушка кивает Ваньэр: «Теперь ты».

Ваньэр выбросила две двойки и невольно поджала губы, покосившись на матушку. Та улыбнулась: «Хороший бросок». Лениво протянула руку, медленно взяла стеклянную шашку и... передвинула её на несколько ходов назад.

Ваньэр уставилась на эту шашку, не отрывая глаз. Спустя долгий миг, казалось, её осенило. Когда снова наступила её очередь, она указала на одно место и осторожно оглянулась на матушку. Та кивнула с улыбкой, и только тогда Ваньэр поставила шашку. В следующий раз она снова посмотрела на матушку. Та сказала: «Играй сама, как знаешь. Жетонов хватит».

Услышав это, Ваньэр стала обдумывать каждый ход в четыре приёма. Матушка наблюдала за игрой с улыбкой, изредка оборачиваясь и давая пару указаний. Постепенно Ваньэр словно прозрела. Я же уже не смела относиться к игре так легкомысленно, как вначале, и сосредоточенно рассчитывала ходы, с каждым разом делая это всё медленнее. К тому моменту, когда матушка предложила отдохнуть, я едва-едва успела выиграть у Ваньэр ту самую кучку золотых монет. Ваньэр встала и, смущённо поблагодарив, удалилась. Матушка ободрила её: «Ты с ней не сравнивай. Она ещё не знала иероглифов, когда уже различала шашки для шуанлю. Ты же только учишься. Уже очень понятлива, не падай духом».

Мне стало немного обидно, я обхватила её руку и проворчала: «Разве я не понятлива? Матушка никогда меня так не хвалит».

Матушка с усмешкой взглянула на меня: «Понятлива-то ты понятлива, вот только от природы ленива. Где нужно приложить одно усилие, и одного с небольшим не дашь. Знаешь, что выиграешь, — и неважно, на один ход или на десять, считать дальше не станешь. Будь ты чуть прилежнее, с самого начала вложи ту же силу, что обычно со мной играешь, — уже в несколько раз больше выиграла бы».

Слова её звучали многозначительно. Я поспешила взглянуть на неё, но та лишь зевнула, прикрыла глаза и пробормотала с улыбкой: «Сегодня хорошо повеселились... Очень хорошо».

Для отца этот год был полон радостных событий: не только внуки, свадьбы и обряд Фэншань, но и то, что военные действия утихли. И Туфань, и Тюдзюэ прислали послов для аудиенции, а

вассальных правителей, явившихся ко двору, было куда больше, чем в прежние годы. Для матери же этот год был ещё важнее — не только потому, что ей предстояло отправиться на гору Тайшань для совершения второстепенного жертвоприношения отцу, но и потому, что отец повелел родственникам, чиновникам и вождям иноземных племён в день зимнего солнцестояния явиться к воротам Гуаншунь для представления Тяньхоу.

Зимнее солнцестояние и Новый год всегда сопровождалось великими приёмами, когда чиновники представлялись отцу у ворот Гуаншунь, а жёны сановников — матери внутри ворот. Таков был старый порядок. Однако в этом году этот порядок был изменён ради матери.

Матушка нисколько не скрывала перед нами своего волнения. В десятом месяце она под разными предлогами одарила князя У, Ли Жуя и меня шёлком — не менее трёх тысяч кусков. В начале одиннадцатого месяца она пожаловала Ли Жую множество отрезков парчи с узором жуй, чтобы тот от её имени совершил великое подношение в храме Цзыньсы. Разумеется, это волнение было известно лишь нам. Перед отцом же матушка стала ещё мягче, ещё больше походила на «добродетельную» и «благоразумную» супругу. Она не только несколько раз приглашала князя У во дворец на пиры и щедро одаривала его, но и уговорила отца пожаловать всем сыновьям князя У, кроме наследного, титулы гунов. Особой милости удостоился лежавший в пелёнках Ли Цяньли — матушка даже велела кормилице принести его во дворец на воспитание. Его братья получили не больше трёхсот дворов, самые младшие — не менее ста, а он один получил пятьсот.

Отец был весьма доволен великодушием матери и относился к семейству У всё лучше. В начале одиннадцатого месяца, когда мы уже готовились к отъезду, был издан указ о назначении У Чэнсы главой Приказа Цзунчжэн, а У Саньсы — начальником Императорской библиотеки. Хотя эти посты и не были самыми влиятельными, они считались весьма почётными и обычно жаловались лишь самым приближённым. Особенно пост главы Приказа Цзунчжэн, который традиционно занимали члены клана Ли. Теперь, в виде исключения, его получил У Чэнсы, что вызвало немало пересудов.

Впрочем, сейчас эти пересуды были куда тише, чем в прошлом году, когда матушка вышла из-за императорского трона.

Я начала смутно понимать, зачем матушка вызвала князя У в столицу. Отец всё-таки был императором. Если матушка чего-то хотела, ей приходилось чем-то жертвовать. А отец никогда не был жаден ни до золота, ни до сокровищ. Эликсиры бессмертия он собирал годами, и мгновенного результата ждать не приходилось. Что могло доставить ему великую радость, помимо посмертной славы? Только дети и семейные чувства.

К тому же, вызов в столицу сына, пребывающего в далёком уделе, и проявление к нему особой милости лучше всего доказывали, что она — не та мстительная и властолюбивая ревнивица, о которой ходят слухи, а добрая, великодушная супруга и мать, действующая исключительно ради общего блага.

Не только я — Ли Жуй уже давно расценивал возвращение князя У как уступку. По его мнению, отец в конце концов не совсем одряхлел умом и, видя, как законная жена и законные дети «смирняют себя и идут на уступки», вспомнил о супружеских и отцовских чувствах и поддержал жену и её род. Таким образом, князь У в конечном счёте не представлял большой угрозы, и Ли Жуй с радостью уделил ему крупную братской привязанности, став часто с ним общаться.

Поскольку этот год отличался от прежних, церемония представления в день зимнего

солнцестояния была разделена на две части. Сначала я в составе процессии жён сановников представилась матери. По окончании церемонии поспешно переоделась и, ухватив за руки Вэй Хуань и Цуй Мин-дэ, потащила их к воротам Гуаншунь посмотреть на это величественное зрелище. Однако у внутренней стороны ворот нас остановили. Стража вежливо, но твёрдо отказала в нашей просьбе «просто взглянуть с башни над воротами». А у ворот Гуаншунь, и внутри и снаружи, было выставлено множество почётных караулов, евнухи сновали туда-сюда без перерыва — пробраться было невозможно.

Я в разочаровании опустила голову, но уходить не хотела и лишь бродила поблизости. Вэй Хуань и Цуй Мин-дэ смотрели на меня с усмешкой. Вэй Хуань торопила: «Эрнян, пойдём уже. Это великий приём, не детская забава. Если император увидит — не знаю, как разгневается».

Я всё понимала, но одна мысль о том, что там, прямо сейчас, происходит «прибытие десяти тысяч государств», заставляла сердце трепетать от нетерпения. Встав на цыпочки и заглянув в проход ворот, я увидела лишь бесконечные ряды почётных стражников. Вэй Хуань не вынесла моего вида и потащила меня прочь: «Кортеж скоро подъедет, пошли, пошли!»

Я сделала несколько шагов за ней, но всё ещё оглядывалась, не в силах уйти, и взглянула на Цуй Мин-дэ: «Разве Цуй Вторая не хочет взглянуть, как выглядит „прибытие десяти тысяч государств“?»

Цуй Мин-дэ посмотрела вдаль и равнодушно промолвила: «Кажется, здесь поблизости есть несколько башен?»

У меня блеснули глаза, и я затараторила: «Я знаю! Я знаю каждую башню в дворце!» Немного подумав, рассмеялась: «За мной!» — схватила руку Вэй Хуань и потащила за собой. Та слегка попыталась вырваться, но потом сдалась. Мы втроём поднялись на ближайшую башню. Я-то была в порядке, а вот они обе, лишь взглянув вниз, тут же подняли глаза и отступили на полшага. Я спросила: «Что такое?»

Вэй Хуань ответила: «Ничего».

Цуй Мин-дэ сказала: «Ветер немного силён».

Я придвинулась и обнаружила, что ветер не такой уж и сильный. Только собралась заговорить, как Цуй Мин-дэ взмахнула белым шёлковым веером, которым прикрывала лицо, и указала вдаль: «Вон там».

Мы с Вэй Хуань посмотрели в указанном направлении и увидели в отдалении огромную толпу людей, выстроившихся рядами у дворцовых ворот. Людей было необычайно много — даже на великих приёмах не бывало столько. Цветов тоже было великое множество: помимо пурпурных, алых, синих и зелёных одеяний сановников, были и наряды иноземных вождей, сшитые по обычаям их племён. Издалека эти люди казались не людьми, а маленькими разноцветными клеточками.

У Цуй Мин-дэ был острый глаз. Вдруг она взмахнула веером: «Это разве не люди Когурё?»

Вэй Хуань ахнула, приподнялась на цыпочки, вгляделась и с досадой выдохнула: «Люди Когурё».

Я с любопытством спросила: «А что с людьми Когурё?»

<http://bllate.org/book/16278/1466589>